

ЛЕВ ГУМИЛЕВ КАК ЗЕРКАЛО МОРАЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА

Фишман Леонид Гершевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.12.2019, принята к публикации 10.02.2020

Для цитирования: Фишман Л.Г. Лев Гумилев как зеркало морального перелома // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 4 (37). С. 49–60. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10403

Аннотация

Статья посвящена попытке ответа на вопрос о причинах популярности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. учения о пассионарности Л.Н. Гумилева. Утверждается, что популярность Гумилева слабо связана с его научными достижениями, многие из которых по прошествии времени выглядят сомнительными. В любом случае корни популярности Гумилева однозначно лежат скорее в области идеологии и социальной психологии, нежели собственно науки. Новизна предложенного решения заключается в том, что основное внимание уделяется ранее практически не рассматривавшейся причине популярности взглядов Гумилева, в то время как она имеет едва ли не самое важное значение. Это – моральное содержание определяющего элемента его философско-исторических взглядов, а именно его концепции пассионарности. Моральное содержание теории Гумилева удивительно точно вошло в резонанс с моральными сдвигами поздней советской эпохи, оказалось (в терминах самого Гумилева) ему комплементарным. Возможно, сам того не понимая, Л. Гумилев оказался наиболее успешным выразителем сути если не этногенетического, то морального слома и перелома 1980–1990-х. Когда этот слом в своей наиболее острой форме перестал быть актуальным, сошла на нет и популярность концепции этногенеза. Популярность учения о пассионарности Льва Гумилева объясняется его востребованностью в условиях катастрофической трансформации структуры советской этики. Когда не осталось ничего, кроме этики добродетели, та обнаружила свои релятивизм и всеядность, что многим доставляло моральный дискомфорт. В этих условиях учение о позитивной исторической роли пассионарности, как философия

истории, отчасти смогло заменить утраченный ярус универсальных ценностей – тем, что хотя бы придавало всемирно-исторический смысл происходящему в России.

Ключевые слова:

авантюристический капитализм, Л. Н. Гумилев, концепция этногенеза, мораль, теория пассионарности, этика принципов, этика добродетели.

UDC 17+32

DOI 10.24411/1817-9568-2019-10403

LEV GUMILYOV AS A MIRROR OF A MORAL TURNING-POINT

Fishman Leonid Gershevich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Professor, Chief Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-5062-8291,
E-mail: lfishman@yandex.ru

Article received on December 10, 2019, accepted on February 10, 2020

To cite this article: Fishman, L.G. (2019). Lev Gumilyov kak zerkalo moral'nogo pereloma [Lev Gumilyov as a mirror of a moral turning-point]. *Scientific Journal "Discourse-P"*, 4(37), 49–60. doi: 10.24411/1817-9568-2019-10403

Abstract

The article focuses on attempting to explain the reasons for popularity of the teachings on passionarity of L. N. Gumilyov in the late 1980s and early 1990s. The author claims that Gumilyov's popularity is weakly associated with his scientific achievements, many of which, with the passage of time, look dubious. In any case, the roots of Gumilyov's popularity clearly lie more in the field of ideology and social psychology than in science itself. The novelty of the proposed solution is in paying main attention to previously nearly unexamined reason for the popularity of Gumilyov's views, while it possibly is of the utmost importance. This is the moral content of the defining element of his philosophical and historical views, namely, his concept of passionarity. The moral content of Gumilyov's theory surprisingly accurately resonated with the moral shifts of the late Soviet era, turned out to be (in terms of Gumilyov himself) complementary. Perhaps without realizing it, L. Gumilyov turned out to be the most successful spokesman for the essence of, if not ethno-genetic, then moral breakdown and turn-around of the 1980–1990s. When this breakdown

in its most acute form ceased to be relevant, the popularity of the concept of ethnogenesis also came to naught. The popularity of the teachings on passionarity of Lev Gumilyov is due to its relevance in the conditions of catastrophic transformation of the structure of Soviet ethics. When there was nothing left but the ethics of virtue, it discovered its relativism and omnivorousness, which caused moral discomfort for many people. Under these conditions, the doctrine of the positive historical role of passionarity, as a philosophy of history, partly replaced the lost tier of universal values – with that it at least gave a world-historical meaning to what was happening in Russia

Keywords:

adventurous capitalism, L.N. Gumilyov, ethnogenesis concept, morality, theory of passionarity, ethics of principles, ethics of virtue.

Введение

Политик, идеолог, философ, писатель или музыкант, да мало ли еще кто, часто становятся теми, кого называют «властителями дум». Среди них редко оказываются ученые: каковы бы ни были их достижения, им редко удается изложить их захватывающим ум и воображение миллионов образом. Тем удивительней, что иногда случается и такое, как случилось при нашей жизни с историком Львом Николаевичем Гумилевым. И хотя пик его популярности давно миновал, вопрос «почему это произошло именно с ним?» по-прежнему требует ответа. Тем более, имеются основания полагать, что ответы на этот вопрос, касающийся не столь далекого прошлого, может пролить свет на истоки той ситуации, в которой мы находимся сегодня.

Но какого рода ответ мы можем дать на такой вопрос, и, главное, что может обеспечить его убедительность? Возможно, наиболее убедительным выглядел бы ответ, полученный путем опроса достаточно репрезентативной выборки респондентов по поводу их интеллектуальных увлечений 1990-х годов. Были ли они тогда склонны описывать себя в гумилевских категориях? К сожалению, у нас нет такой возможности. Кроме того, как говорит давний опыт историков и социологов, не стоит безусловно верить не только свидетельствам очевидцев каких-то событий, но даже и рассказам о своем внутреннем мире и своих ценностях.

Что же остается? Попытаться: а) выявить, каким образом «эпоха перемен» 1990-х преломлялась через призму индивидуального мировосприятия, прежде всего на уровне трансформации ценностей; б) вычленив те аспекты теории Льва Гумилева, которые с высокой степенью вероятности могли коррелировать с этими трансформациями, отвечая внутренним потребностям множества людей. Такой подход, разумеется, тоже не лишен субъективности. Но, по крайней мере, он исходит из факта, что когда-то Гумилев был очень популярен, в то время как если бы начали опрашивать современников этой популярности, то вполне могли бы ошибочно заключить, что это было не так. По прошествии достаточно долгого времени люди нередко оказываются склонными приписывать себе

прошлым взгляды и мотивы, которых они в реальности не имели (Юрчак, 2014, с. 42–43). Иными словами, 20–25 лет спустя многие из них могут абсолютно искренне считать, что Гумилев произвел на них гораздо меньшее впечатление, нежели это было на самом деле.

Так или иначе, в конце 1980-х – начале 1990-х книги Л. Н. Гумилева были удивительно популярны. В студенческие годы автора этих строк один из университетских преподавателей, чтобы дать аудитории представление о степени популярности Ницше в начале XX века, выразился так: не знать тогда ничего о Ницше – это примерно как сейчас не слышать ничего о Гумилеве. Но его популярность не продержалась долго. Она сверкнула падающей звездой и угасла в течение нескольких лет, хотя и оставила по себе яркое воспоминание.

При этом замечательно следующее. Практически все написанное Гумилевым было подвергнуто разрушительной критике уже в течение его жизни. Но эта критика не оказала практически никакого влияния на популярность его книг ни в течение указанного периода, ни после. Она (популярность) сошла на нет как-то сама собой; книги Гумилева не то что оказались совершенно забыты, но давно уже не вызывают и десятой доли того отклика, какой вызывали в свое время.

Очевидно, что популярность Гумилева слабо связана с его научными достижениями, многие из которых по прошествии времени выглядят сомнительными. Конечно, его взгляды могут быть восприняты как идеологическая основа для праворадикальных движений, разного рода «имперства». Но именно в те годы, когда слава Льва Гумилева намного превосходила славу его отца, правые радикалы и имперцы предпочитали обращаться непосредственно к евразийцам, а Гумилева читали весьма поверхностно. Можно также отметить, что при всем налете фатализма, концепция этногенеза Гумилева внушала известный исторический оптимизм, обещая исстрадавшейся в XX веке России своего рода цивилизационную «золотую осень». В любом случае корни популярности Гумилева однозначно лежат скорее в области идеологии и социальной психологии, нежели собственно науки. Как замечает С. Беляков, «теперь в евразийство верят главным образом романтики и политики. Иногда те и другие даже встречаются друг с другом, например, в московском центре Льва Гумилева, где проходят круглые столы и фуршеты, концерты и вечера, посвященные евразийству. Люди в смокингах и фраках поднимают тосты в честь Гумилева и евразийства. Только вот какое отношение эти гумилевцы-евразийцы имеют к теории этногенеза, что они вообще знают об идеях Гумилева, о его научных взглядах?» (Беляков, 2012, с. 728).

Моралист поневоле

И все-таки, почему Гумилев был в своё время так популярен? Не претендуя на исчерпывающий ответ, мы здесь хотели бы указать на ту из причин популярности взглядов Гумилева, которая до сих пор практически самостоятельно не рассматривалась, в то время как нам представляется, она имеет едва ли не самое важное значение. Это – моральное содержание определяющего элемента его философско-исторических взглядов, а именно его концепции пассионарности.

Николай Гумилев не был моралистом, но в свое время написал о своих читателях:

Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.

Его сын, много лет спустя, не писал ни стихов, ни моралистических и религиозных трактатов (хотя его концепцию «антисистем» не без основания можно считать разновидностью «вероучения»), но, в сущности, *выступил в той же роли морального учителя.*

Сразу оговоримся, что мы, конечно, не считаем возможным рассматривать Гумилева как преимущественно моралиста или этического философа. Таковым вовсе не обязательно быть, чтобы оказывать моральное влияние. Мы хотим сказать, что некоторые элементы его теории, желал он того или нет, сыграли свою роль в происходивших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. моральных трансформациях позднего советского и постсоветского общества.

Как нам представляется, моральное содержание теории Гумилева удивительно точно вошло в резонанс с моральными сдвигами поздней советской эпохи, оказалось (в терминах самого Гумилева) ему комплементарным. Возможно, сам того не понимая, Л. Гумилев оказался наиболее успешным выразителем сути если не этногенетического, то морального слома и перелома 1980–1990-х; но когда этот слом в своей наиболее острой форме перестал быть актуальным, сошла на нет и популярность концепции этногенеза.

В чем состояла суть этого слома?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в самых общих чертах представить структуру морали советского общества, да и вообще всякого «большого» общества, превосходящего «общность» размерами, структурой, культурой, сложностью социальных связей и т. д. Это – двухуровневая «моральная пирамида», свойственная любой универсальной системе ценностей, не обязательно светской. Верхний ее ярус – этика принципов, включающая в себя нормы и ценности, мировоззренчески фундированные таким образом, что смысл придерживаться их далеко выходит за пределы повседневной жизни, является трансцендентным. Ценности этого яруса морали подразумевают наличие неких общих представлений о справедливости, о том, как должен поступать человек по отношению к любому другому члену общества, вне зависимости от того, связан ли он с ним какими-то семейными, дружескими, корпоративными или иными узами. Данные предоставления могут быть общими для религий или конфессий, сравнительно мирно сосуществующих между собой и сходящихся в базовых онтологических и этических представлениях, взглядах по поводу смысла жизни и смерти и т. д. Место религий могут полностью или частично занять идеологии Нового и Новейшего времени – одна или несколько (но фактически признающих главенство какой-то одной, как в условиях либерально-консервативного-социалистического консенсуса на Западе).

Нижний ярус – этика добродетели и героическая этика.

В отличие от этики принципов, этика добродетели переключается с мотивов и результатов на характер человека. Ее основной вопрос – не «что я должен делать?», а «каким я должен быть, чтобы считаться хорошим человеком?» Поэтому трансцендентные, «внешние» этические эталоны заменяются фактическими образцами поведения, пригодными для того, чтобы наилучшим образом соответствовать своей социальной роли (Куренной, 2008, с. 68). Это – корпоративная этика, этика отношений между друзьями, членами семьи, локального сообщества и т. д. Ее разновидностью является героическая этика, которая, по сути, есть также этика корпоративная, пронизанная ценностями верности, чести, долга, самопожертвования и т. д. Однако она часто является мостом между универсальной этикой и этикой добродетели, в той мере, в которой верность ее адептов принадлежит «большим обществам» и обосновывается, помимо корпоративных требований чести, также и ценностями универсального характера (Фишман, 2012).

Основной принцип отношений между этими уровнями таков: верхний расставляет приоритеты или хотя бы указывает нижнему на его ограниченность, *указывает ему его место*. Разумеется, «большое общество» нуждается в обоих уровнях морали. На одних универсальных ценностях оно не строится, и Б. Уильямс, безусловно, прав, когда замечает: «мораль (то есть этика принципов) заблуждается, полагая, что «без ее специфических обязательств все будет отдано на откуп одним только склонностям, что без ее совершенной добровольности существует одна только сила, что без ее безусловно чистой справедливости не существует вообще никакой справедливости» (Уильямс, 2008, с. 173). Этика добродетели необходима хотя бы для того, чтобы побудить индивидов в рамках малых групп соблюдать верность трансцендентным ценностям для того, чтобы не быть исторгнутым из общностей, которые эти ценности разделяют. В то же время только люди чести могут быть стойкими борцами как за «большое общество», так и за идею – поэтому обычно у привыкших к жизни в рамках «больших обществ» героическая этика ассоциируется с верностью и самопожертвованием во имя больших общностей и трансцендентных ценностей. Таким образом, в двухуровневой системе морали этика добродетели светит отраженным светом и оказывается несколько переоцененной. В то же время, если исчезает или резко ослабевает этика принципов, сами по себе этика добродетели и героическая этика оказываются способными служить каким угодно общностям и самым разным целям.

К концу существования СССР в обществе доминировали ценности этики добродетели. Их значимость была завышена, поскольку молчаливо предполагалось не только то, что данные ценности есть ценности «нормальных людей», «естественные», но и то, что их достаточно для построения «нормального общества». Ценности же, восходящие к коммунистической идеологии, гуманизму и прочим трансцендентным умозрительным конструкциям, ассоциировались с ритуалами официальной повседневности, которой подавляющее большинство советских граждан по привычке отдавало дань, но давно уже не воспринимало всерьез, обретаясь, по выражению А. Юрчака, в «пространствах вневходимости» (Юрчак, 2014, с. 255–311).

Суть морального слома позднесоветских и постсоветских лет как раз и заключался в утрате даже формального доминирования ценностей этики

принципов. Больше ничто не «указывало на место» и этике добродетели, и героической этике. Люди, оказавшиеся на острие этого слома и объективно живущие по правилам этики добродетели, нуждались в объяснении того, почему это так получилось и в обосновании своего поведения, возвышающем их в собственных глазах. Им требовалось такое самооправдание и самовозвышение, поскольку они понимали, что большая часть их деятельности своекорыстна, идет на благо не обществу, а «своим», как бы их ни понимать, и что борясь за частное благо, они переступают через благо (а часто и через жизнь) других.

Некоторая часть общества нашла такое самооправдание в классическом либерализме с его апологией свободного рынка, свободной конкуренции и вытекающем из них социал-дарвинизме. Но такие оправдания могли удовлетворить далеко не всех, ибо они были отчасти банальны и скучны, а отчасти слишком циничны. Кроме того, они требовали от людей известной храбрости, поскольку подразумевали личную ответственность индивида и только его самого за свое нередко бесчеловечное поведение на рынке и не только. Но, главное, они подходили далеко не всем, поскольку лишь активное меньшинство с радостью бросилось искать счастья в (около) экономической деятельности эпохи дикого капитализма и криминальной революции. Было немало тех, кто занимался политикой, наукой, искусством и нередко презирал как либерализм, так и всякого рода буржуазность, не говоря уже об обывателях. Что могло разом объяснить и оправдать экономическую, неэкономическую деятельность, либерально-рыночную и антилиберальную ангажированность, наконец, активность и пассивность всех этих категорий людей?

Удивительно, но таким учением оказалась концепция этногенеза Гумилева, сформулированная совсем по другим поводам и ради достижения иных целей. Суть ее заключалась в том, что этносы рождаются, живут и умирают не столько по социальным, сколько по естественным законам природы. Ключевым в этой концепции было понятие пассионарного толчка, который запускает цикл эволюции всякого этноса. В процессе эволюции пассионарная энергия этноса постепенно доходит до высших значений, а затем иссякает. И если, к примеру, на стадиях подъема и перегрева история этносов прямо-таки фонтанирует свершениями, как великими и прекрасными, так великими и ужасными, то на стадиях надлома и инерции запал постепенно выдыхается, а на стадиях гомеостаза и обскурации иссякает совсем. Конкретно Россия в соответствии с этой теорией в 1990-х переживала «стадию надлома», в которой пассионарность все еще достаточно высока.

А что такое пассионарность? Сам Гумилев писал о ней так: «...пассионарность – это биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, – это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимо сопротивление сопротивлению заставляет их объединиться и действовать согласно; так возникает *первичная консорция*, быстро обретающая те или иные социальные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи. *Порождаемая пассионарным напряжением активность при благоприятном стечении обстоятельств ставит эту консорцию в наиболее выгодное положение* (курсив здесь и далее

мой – Л. Ф.), тогда как разрозненных пассионариев не только в древности «либо изгоняли из племен, либо просто убивали». Примерно так же обстоит дело в классовом обществе. Это отметил Пушкин, написав: «...посредственность одна нам по плечу и не странна...» («Евгений Онегин», глава восьмая, IX). Правильно! Пассионарии обречены. Но если бы они всегда погибали, не успев ничего сделать, то мы до сих пор приносили бы в жертву младенцев, убивали стариков, пожирали тела убитых врагов, колдовством пытались извести друзей и родных. **Не было бы ни пирамид, ни Пантеона, ни «открытия» Америки, формулировки закона тяготения и полетов в космос. Однако все это есть и начало накапливаться еще в палеолите.** И жили бы сегодня на Земле не-современные французы, англичане, русские и т. п., а шумеры, пикты и другие, имена которых давно забыты» (Гумилев, 2001, с. 332).

«Пассионарность отдельного человека сопрягается с любыми способностями: высокими, малыми, средними; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; **она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло**, исключая только равнодушие; и **она не делает человека «героем», ведущим «толпу»**, ибо большинство пассионариев находятся именно в составе «толпы», определяя ее потенциальность и степень активности на тот или иной момент» (Гумилев, 2001, с. 337).

Теперь представим, как все эти и подобные им, разбросанные в других сочинениях Гумилева описания пассионарности и пассионариев, звучали в 1990-е. Тогда многие люди вынужденно или добровольно оторвались от своего прежнего образа жизни и «повседневных забот», поставили себе иные, чем прежде, цели, и пытались энергично и рискованно их достигнуть. Нередко они «объединялись и действовали согласно», образуя своего рода «консорции», многие из которых, правда, злые языки называли почему-то мафиями, бандами и организованными преступными группировками. «Консорция» в реалиях России 1990-х – сообщество «друзей», которые рассчитывают для себя отвоевать место под солнцем, сконцентрировав максимально возможное количество властных и экономических ресурсов (и некоторые добиваются этой цели, чему мы являемся свидетелями). Так они могут ощутить свое родство с легендарными сообществами пассионариев древности, хоть основателями Рима, хоть грабителями-викингами, хоть первыми христианами, хоть людьми с целями приземленными, или же, наоборот, творческими и «буйными мифотворцами», «зачинателями новых традиций» (Гумилев, 2001, с. 447). Каждый найдет себе по вкусу. Хорошо и то, что пассионарию вовсе не обязательно быть «героем, ведущим толпу». Это импонировало «простому человеку», не герою – при том, что причастность к пирамидам и Пантеону все равно оставалась при них, точнее, при *таких же, как они*. Да, по Гумилеву пассионарность – в конечном счете – квинтэссенция, не имеющая отношение к морали жизненной силы. Концепт пассионарности поэтому служил оправданием фактически любой социальной активности. Ведь пассионарий представлял *двигателем* истории, уже *поэтому имеющим позитивное значение*¹, вне зависимости от того, какие бы гнусности и жестокости он

¹ Для интеллигенции (да и не только) советской школы, воспитанной на культуре Истории, вероятно, было важным соблюсти преемственность мировоззрения, заменив

не творил. Ведь «пассионарность – не просто «дурные наклонности»; ей приписываются все великие достижения цивилизации, вообще все сколь-нибудь яркое и выдающееся, хотя часто и ужасное.

Поэтому не удивительно, что по прошествии времени писатель А. Иванов высказался о 1990-х именно в таких выражениях: «Что стало с героями «лихих 90-х»? Тогда большую роль играли пассионарии. Они явились не из ниоткуда, они были рождены социальной средой, были плоть от плоти народа. Девяностые были временем, когда после длительного периода, может быть впервые после Гражданской войны, на арену вышел народ. И он сам за себя решал, как ему жить. Делал это так, как у него это получалось, а получалось плохо, зато никто над ним не стоял.

Девяностые были временем, когда история наконец сдвинулась с мертвой точки. И *пассионарии* были выразителями этого духа истории. Большим минусом было то, что действовали они в меру своего разумения, на свой страх и риск, а рамок, которые бы направляли их деятельность в цивилизованное русло, не было. Но все равно хорошо, что пассионарии были. Если бы не пассионарии, мир бы не менялся таким кардинальным образом» (Писатель Алексей Иванов).

Основатели империй, художники, полководцы и прочие великие люди – пассионарии; как же постсоветским людям начала 1990-х было удержаться от отождествления себя *с ними*, сдвинувшими, ни много ни мало, а саму Историю с мертвой точки, а не с банальными жуликами, бандитами и спекулянтами!

И теория этногенеза Гумилева позволяла им ассоциировать себя с великими. В период 1980–1990-х многие могли с основанием считать себя пассионариями. Ведь по шкале пассионарности (Гумилев, 2001, с. 405) к ней относились по степени убывания «жертвенность», «стремление к идеалу победы», «стремление к идеалу успеха» (бизнес-тренеры и прочие коучи могли гордиться собою), «стремление к идеалу знания и творчества» (интеллигенты, ученые и художественная богема тоже не обижены), «поиск удачи с риском для жизни» (если ты браток из «бригад», не все так плохо), даже «стремление к благоустройству без риска для жизни» (не сидишь на месте, «крутишься» – и то пассионарий). И вообще, порвать с привычным бытом, начать новую жизнь – «не грех, а подвиг» (Гумилев, 2001, с. 447).

Возвращаясь к нашим исходным тезисам относительно содержания позднесоветской морали, отметим, что при всем внешнем разрыве с прежней жизнью, на ценностном уровне разрыв не был радикальным. А. Иванов несколько преувеличивает, говоря о том, что у людей 1990-х «рамок, которые бы направляли их деятельность в цивилизованное русло, не было». Надо уточнить: это не означает, что не было вообще никаких рамок. В том-то и дело, что рамки *были, и это были вполне себе моральные рамки*. Что это были за рамки? Это были рамки морали, прямо унаследованной у позднесоветской культуры, а именно – этика добродетели и героическая этика. Ключевыми понятиями этой этики были верность товарищам, способность рисковать ради них жизнью, настойчиво преследовать свои и важные для сообщества цели, если надо – воевать за них, блисти честь; в ней ценились романтизм и известное бескорыстие и т. д. Словом,

---

марксистско-ленинскую вариацию этого культа на другую похожую – и с таким же безусловно позитивным отношением к Истории как движению, прогрессу.

эта этика, в конечном счете, требовала того, что Гумилев назвал пассионарностью – способностью к сверхнапряжению вплоть до самопожертвования ради достижения поставленной цели.

Что же произошло в 1990-е? Все эти ценности в общем остались, но их носители, если так выразиться, стали преследовать иные цели.

Один из авторов, писавший о знаменитом сериале «Бригада», заметил: «бригада – это *«три мушкетера наоборот»*. Такие необыкновенные качества, как быстрота мышления, отвага, неумная жизненная энергия и напор, сметающий все на своем пути, даны природному вождю неспроста. Все эти качества необходимы для того, чтобы обеспечить выживание своей стаи и ее прорыв в будущее» (Янушко). Криминальным браткам и их вождям, по большому счету, требовались те же моральные качества, что и кумирам миллионов советских мальчишек, восхищавшихся мушкетерами, пиратами, благородными авантюристами, бунтовщиками, революционерами и прочими подобными героями классической литературы. И эти моральные качества, пока они «знали свое место», будучи подчиненной частью универсальной ценностной иерархии, служили высоким целям. Но эти же моральные установки, предоставленные самим себе, в значительной мере оказались комплементарны «великой криминальной революции» 1990-х и возобладавшему на некоторое время «авантюристическому» (Вебер, 1990, с. 79) капитализму. Разумеется, подавляющее большинство российских граждан не ринулось в авантюрное предпринимательство и в криминальные структуры. Однако оно обнаружило такую степень понимания и терпимости ко всякого рода авантюрно-капиталистическим практикам, которая сделала их распространенными и даже оправдываемыми с помощью рационализаций вроде теории пассионарности.

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что учение Гумилева позволило огромному количеству людей считать себя тоже по-своему успешными, даже если они не стали успешными экономически или политически. Ведь многие получили основание полагать себя если не солью земли, так дрожжами Истории, пассионариями, а это поднимало самооценку. Индивиды, которые с либерально-рыночной точки зрения выглядели как экономически неэффективные «неудачники», получили возможность оправдывать себя как все же пассионариев, но другой направленности, думать о себе как о «рыцарях», людях чести, верности слову, героях, а не торгашах и политиках. Людям же экономически успешным, пусть и не всегда морально безупречным, импонировала мысль о заслуженной награде за свою пассионарную энергичность, которую бессмысленно хвалить или осуждать с точки зрения мирного обывателя. А мирным обывателям, примерным семьянинам и работникам, «гармоничным» людям в классификации Гумилева, льстила мысль о том, что они являются основой всякого здорового общества. Они могли лелеять надежду найти достойное место в жизни если не прямо сейчас, то в обозримом будущем, когда эпоха перемен закончится. В этом ряду можно было бы упомянуть и так называемых «субпассионариев», людей с отрицательной пассионарностью, не трудолюбивых и не творческих, которые в эпоху перемен пополняют ряды маргиналов, примыкают к разного рода жуликам

и бандитам, идут в наемники и т. д. Вероятно, и этот человеческий тип, весьма характерный для России 1990-х, мог найти в теории Гумилева коли не утешение, так оправдание своему образу жизни, если б не сомнения в том, что он в них нуждался и вообще интересовался какими бы то ни было теориями. Словом, учение Гумилева на краткое время смогло удовлетворить тех, кто хотел и тех, кто не хотел меняться, *никого не заставляя поступаться своими ценностями*.

В целом же популярность учения о пассионарности Льва Гумилева объясняется его востребованностью в условиях обвала советской моральной пирамиды. Когда не осталось ничего, кроме этики добродетели, та обнаружила свои релятивизм и всеядность, что многим доставляло моральный дискомфорт. В этих условиях учение о позитивной исторической роли пассионарности, как философия истории, отчасти смогло заменить утраченный ярус универсальных ценностей – тем, что хотя бы придавало всемирно-исторический смысл происходящему в России. Гумилев импонировал нашим современникам эпохи морального перелома уже тем, что более всего от изучения истории хотел *смысла*: «Я хочу понять, как и почему все это произошло».

Для тех же, кто не нуждался в высоких смыслах, универсальных ценностях, да и по большому счету в «большом обществе», его учение просто оправдывало их отсутствие объективными обстоятельствами.

Но к концу 1990-х такая ситуация все менее удовлетворяла как «низы», так и «верхи», что, в общем-то, и предопределило закат популярности идей Гумилева. «Пассионарность» уже не сильно утешала, хотелось пожить спокойно и предсказуемо. По мере становления «стабильности» и укрепления вертикали власти, разгулявшуюся этику добродетели стали вновь пытаться поставить на служебное место, предлагая в качестве высшей инстанции то национальную идею, то православие, то патриотизм (Фишман, 2017). Эти попытки, по нашему мнению, увенчались скорей имитацией, чем действительным успехом. Этике добродетели если и указали ее место, то исключительно формальным образом: хотя решили притворяться, что на верхнем этаже постсоветской этической пирамиды «что-то есть», по большому счету, он так и остался пустым.

Список литературы

1. Беляков, С. (2012). *Гумилев – сын Гумилева*. М.: Астрель.
2. Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
3. Гумилев, Л. Н. (2001). *Этногенез и биосфера земли*. СПб: «Кристалл».
4. Куренной, В. (2006). *Этика добродетели: предисловие к публикации. Логос, 1(64), 59–69.*
5. *Писатель Алексей Иванов – об СССР, «лихих 90-х», «ужасных нулевых» и «новом застое»*. (без даты). Взято с <http://xoroshiy.ru/223833-pisatel-aleksey-ivanov-obssr-lihix-90-h-uzhasnyh-nulevyh-inovom-zastoe.html>
6. Уильямс, Б. (2008). Мораль: специфический институт. *Логос, 1(64), 149–144.*
7. Фишман, Л. Г. (2012). Героизм и универсализм. *Научный ежегодник ИФиП УрО РАН, 11, 227–235.*
8. Фишман, Л. Г. (2017). Получилось как всегда. Идеологические

потребности российской элиты: спрос и предложение. *Политическая концептология*, 1, 125–135.

9. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

10. Янушко, Е. (без даты). *Сериял «Бригада». Как один фильм повлиял на криминальную ситуацию в нашей стране*. Взято с <https://www.yburlan.ru/biblioteka/serial-brigada-kak-odin-film-povlijal-na-kriminalnuju-situaciju-v-nashej-strane>

References

1. Belyakov, S. (2012). *Gumilev – syn Gumileva* [Gumilyov – son of Gumilyov]. М.: Astrel.

2. Fishman, L. G. (2012). Geroizm i universalizm [Heroism and universalism]. *Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN*, 11, 227–235.

3. Fishman, L. G. (2017). Poluchilos' kak vseгда. Ideologicheskie potrebnosti rossijskoj elity: spros i predlozhenie [It turned out as always. The ideological needs of the Russian elite: supply and demand]. *Politicheskaya konceptologiya*, 1, 125–135.

4. Gumilev, L. N. (2001). *Etnogenez I biosfera zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. SPb: “Kristall”.

5. Kurennoj, V. (2006). Etika dobrodeteli: predislovie k publikacii [Ethics of Virtue: Preface]. *Logos*, 1(64), 59–69.

6. *Pisatel Aleksej Ivanov – ob SSSR, “lihij 90-h”, “uzhasnyh nulevyh” i “novom zastoe”* [Writer Alexei Ivanov – about the USSR, the “dashing 90s”, the “terrible zero” and the “new stagnation”]. (n. d.). Retrieved from <https://xoroshiy.ru/223833-pisatel-aleksey-ivanov-obsssr-lihih-90-h-uzhasnyh-nulevyh-inovom-zastoe.html>

7. Uil'yams, B. (2008). Moral': specificheskij institut [Morality: a specific institution]. *Logos*, 1(64), 149–144.

8. Veber, M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. М.: Progress.

9. Yanushko, E. (n. d.). *Serial “Brigada”. Kak odin fil'm povlijal na kriminal'nyu situaciju v nashej strane* [The series “Brigade”. How one film influenced the criminal situation in our country]. Retrieved from <https://www.yburlan.ru/biblioteka/serial-brigada-kak-odin-film-povlijal-na-kriminalnuju-situaciju-v-nashej-strane>

10. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.
